

Глава 22. С чего началось.

— Саргылана Тарасовна, разрешите, пожалуйста, ознакомиться с вашими поурочными планами.

— Пожалуйста.

Пестряков минут десять читал, словно заучивал наизусть. Затем он пошевелил губами, чем привёл в движение усы.

— Н-да, план подробный... По такому плану и работать легко, — он подтолкнул снизу свои очки. — Так как называется у вас тема сочинения для шестого «Б»?

— «Если бы я был волшебником».

— Волшебником?..

— Прекрасная тема! — вмешался Нахов. — Хоть позаимствуй! А то сплошная преснота: «Моё лето», «Пионер — всем пример»...

Тимир Иванович не спеша открыл свой портфель, достал министерскую книжку. Начинался государственный разговор.

— Садитесь, Саргылана Тарасовна, в ногах правды нет. Вам известно, какие темы рекомендуются для шестых классов?

— Известно. Я читала...

— И ваша тема здесь тоже указана?

— Нет, не указана.

— Выходит, такую тему нам не рекомендуют? — спросил Тимир Иванович, подводя собеседницу к нужному выводу.

— Не знаю...

— Плохо, что не знаете. Программа для нас — закон, принятый государством, и мы обязаны выполнять его. Кстати, я вам об этом уже говорил, — помните, случай с дуэлью Пушкина? А теперь — здравствуйте, «волшебники»... и уже успели провести в шестом «А». Вина наша общая, ваша и моя, недоглядел. Так давайте больше не повторять этого. Попади это сочинение на глаза какому-нибудь придирчивому инспектору, как пить дать, идейная ошибка! Говорю вам как старший товарищ.

Словно зелёная веточка, вынесенная на мороз, Саргылана сникла на глазах. А ведь недавно и Майя и Аласов так хвалили её «волшебников»! Саргылана глянула на Майю, ища поддержки.

— Поступим, Саргылана Тарасовна, таким образом: эту тему вы замените другой, более подходящей...

— Нет, — еле слышно пролепетала девушка.

Тимир Иванович не сразу понял:

— В каком смысле «нет», Саргылана Тарасовна?

— Не заменю, — осмелела она и сама утрашилась своей смелости.

— Молодец! — рубанул Нахов.

Завуч, откинувшись в кресле, посмотрел на девушку как на диво: до вчерашнего дня голоса подать боялась, не то что перечить... Однако сердиться на детей — не самая верная педагогика, и потому свой гнев завуч обрушил на Нахова:

— Прошу не вмешиваться! Я разговариваю с Саргыланой Тарасовной, а не с вами, товарищ Нахов! Прошу не мешать нам. Если это в ваших возможностях!

— Возможности есть... — буркнул Нахов и повернулся спиной к завучу.

— Уважаемая Саргылана Тарасовна! Может быть, вы всё-таки объясните, что значит ваш отказ?

— Не заменю, и всё, — с упорством сказала та, не поднимая глаз.

— Вот я и прошу вас объяснить. — Завуча уже не хватало, он начал сдавать. — Вот я и требую...

Майя поняла: пора вмешаться.

— Тимир Иванович, я тоже не понимаю... Тема творческая, я читала сочинения шестого «А», у них очень хорошо получилось. Вот и Аласов читал...

В учительской появился Сергей, раздеваясь, он отряхивал иней с шапки.

— Вот как? — удивился завуч. — Вы тоже, Сергей Эргисович, считаете, что уместно заставлять детей писать сочинения про волшебников? Это в то время, как от нас требуют укреплять материалистические воззрения?

— По-моему, материализму здесь ничего не угрожает, — пожал плечами Аласов. — Даже наоборот...

— Гм... гм... И вы действительно после уроков сообща изучаете школьные сочинения?

— А что, разве это плохо? — спросил Аласов.

Завуч постучал в дощатую перегородку. Директор сейчас же явился, по обыкновению, с трубкой в зубах.

— Вот, пожалуйста, Фёдор Баглаевич. Некий новоявленный методический центр в нашей школе вынес решение, целиком игнорирующее нас с тобой.

Историю с «волшебниками» в изложении завуча Кубаров выслушал терпеливо, время от времени поглядывая то на одного учителя, то на другого: «Вот как! Скажи, пожалуйста». Приговор его был миролюбив, но категоричен:

— Друзья мои, не надо горячиться. Саргылана Тарасовна заменит тему — и спорить тут нечего. На её месте я бы ещё поблагодарил Тимира Ивановича за добрый совет. Ха! «Если бы я был волшебником»! А то можно и поближе к Якутии — «Если бы я был шаманом»?!

В этом месте своей речи Фёдор Баглаевич так пыхнул трубкой, что скрылся в облаке дыма.

В коридоре зазвенел звонок.

В тот же день, после уроков, задержав Саргылану «на минуточку», Фёдор Баглаевич вынес из своего закута толстую прошнурованную книгу:

— Саргылана Тарасовна, вот тут... прочитайте и расписаться.

Майя, поджидая подругу в сторонке, видела, как девушка отложила портфель и хотела уже расписаться, но остановилась.

— Расписывайтесь, расписывайтесь... Это ведь формы ради. Тут вот написано. «Ознакомилась». Только в том смысле, что ознакомилась.

Закусив губу, Саргылана черкнула на раскрытой странице. Фёдор Баглаевич вздохнул облегчённо.

— Саргылана! Фёдор Баглаевич! Погодите же... — только и успела крикнуть Майя. — Фёдор Баглаевич, за что расписывается Кустурова? Что это всё значит?

Фёдор Баглаевич, зажав книгу под мышкой, вместо ответа достал из кармана трубку и коробочку с табаком, прицелившись, вынул из табака несколько крупных будылок, аккуратно сложил их на столе, забил нужный заряд в трубку, уплотнил его большим пальцем, зажёл, с напряжением втягивая щёки, пыхнул несколько раз и только потом ответил:

— Э, пустяк, Майечка! Мелочи жизни...

— А всё-таки? Я хочу взглянуть на записку.

— Пожалуйста, — разрешил директор, правда, без всякого энтузиазма. — Вот, прошу. Мне от учителей скрывать нечего.

В книге приказов было сказано, что учительнице С.Т. Кустуровой директор ставит на вид «за недопустимое... некритическое... неуместное...».

Майя вспыхнула от негодования.

— Это несправедливый приказ! Разве можно накладывать взыскание на молодого учителя, который только-только нащупывает дорогу? Так нельзя, Фёдор Баглаевич! — Майя просительно дотронулась до рукава старика. — Я вас очень прошу, отмените этот приказ!

— Отменить уже подписанный приказ? Зря ты, Майя Ивановна, шум поднимаешь!

— Нет, Фёдор Баглаевич, я буду шуметь! Ещё громче буду шуметь! Завтра у нас педсовет...

— Вот ты нам всем и докажешь! — подхватил Фёдор Баглаевич. — Постарайся, Майечка, молодцом будешь. Думаешь, мне самому приятно? Но как оставить выходку без внимания! Ты бы, Майя, лучше разъяснила толком молодой своей подруге... И вообще, нечего тут убиваться, подумаешь, великое дело — на вид! Скажу вам, что я, например, за свой век их столько, этих самых выговоров и предупреждений, нахватал! Однако хожу жив-здоров, табак курю...

С этими словами, удовлетворённый своей справедливостью и принципиальностью, Фёдор Баглаевич, не торопясь, удалился за перегородку.

Майя представила себе во всех подробностях эту сцену и опять, как тогда, задохнулась от негодования: как они посмели! Обидеть Саргылану, мою девочку...

Она сидела в пустой учительской — после уроков не пошла домой, решила дожидаться начала педсовета. Уж она выскажет им всё! И тут же усмехнулась сама себе: ишь ты, воительница!

До сих пор был у неё сокровенный, от всех отгороженный мир: память о Сене. Пусть вокруг любые бури, но в этот мир не долетит и пылинки от них, здесь воздух чист, закаты печально-спокойны. Так было всегда. А теперь? Почему-то вздумалось тебе праздновать Октябрьские, назвала гостей. Помчалась на танцы с Аласовым, а потом ревела до утра. Накинулась на директора, истерику ему закатила. А в лыжном походе? Экая впечатлительность! Уже сколько раз говорено: не лезь, куда тебя не просят. Аласов свободный человек, пусть себе любезничает с кем угодно. Пусть вешаются на него хоть Надежда, хоть Степанида, тебе-то какая забота! Давно пора этого Аласова женить на Стёпе, сразу спокойней станет.

Нервы, нервы...

Стал собираться на педсовет народ: развешивал диаграммы Пестряков («графические доказательства нашего роста»), умостились на диване Сосины. К Майе подсела Стёпа Хастаева.

— Не помешаю?

Стёпу после болезни не узнать: краситься перестала, тихая какая-то.

— Стёпа, как здоровье?

— Спасибо, Майечка.

— Грустная вы...

Стёпа слабо улыбнулась:

— Это и есть, Майечка, верный признак моего выздоровления. Отпрыгала Стёпа своё...

Слово «выздоровление» она произнесла с особым, только ей одной понятным значением.

— Стёпа, дорогая, что с вами всё-таки происходит?

С острым вниманием Хастаева взглянула на Майю.

— Вот хочу посмотреть на вас... — сказала она, странно растягивая слова. — Запомнить, какие бывают... счастливые...

Озадаченная Майя попыталась свести всё к шутке:

— Если оно такое, счастье-то...

Но Хастаева не поддержала, глаза её были сумасшедшими.

— Ах, как он вас любит, Майя! Боже, если бы...

Не договорив, Стёпа поднялась с места и вышла из учительской.

«Ах, как он вас любит, Майя...»

Любит? Меня? Серёга Аласов? Зачем она это сказала? Разве можно бросаться такими словами? Лучше сгореть сейчас до пепла, чтобы не думать, не повторять мучительно: «Ах, как он вас любит!»

— Товарищи, прошу внимания!

Усаживается на председательское место Кубаров, рядом с ним завуч: положил перед собой «чёрную тетрадь». Пришёл позже других Аласов, сел неподалёку. Майя взглянула на него, наверно, такими же глазами, как давеча Стёпа: неужели правда?

— Успеваемость у нас в целом по школе восемьдесят два процента... (Это Фёдор Баглаевич держит речь.) И эти проценты, товарищи, не фунт изюму. Это победа нашего дружного коллектива! (Кубаров, говоря свою речь, пустой трубкой чертит в воздухе плавные круги, священнодействует.) Позвонил я сегодня директору Соболахской школы, — как, думаю, дела у них. И до восьмидесяти не дотянули... Будем же идти дальше и выше! Без лишнего шума-гама, без склок и препирательств!

Погоди, Фёдор Баглаевич, я испорчу тебе обедню, сейчас я тебе настоящую правду о нашей школе скажу! А то убаюкивает: «без шума-гама»...

И убаюкал. Евсей Сектяев безмятежно читает книжку: положил себе на колени, как ученик на уроке, незаметно от начальства. Две молоденькие учительницы из начальных классов строчат друг другу записочки. Кто-то занялся извечной учительской заботой — проверяет тетради. Сладко смыкаются веки у Сосина — вот-вот задремлет, труженик коровий.

— ...Таковы наши расчёты на ближайшую четверть, товарищи, — а это уже читает по бумажке Пестряков, то и дело подталкивая пальцем очки кверху. — А восемьдесят пять процентов, повторяю, для нас совершенно реальный рубеж...

— Верно! — Кылбанов даже в ладоши ударил.

Аласов сидел и томился: эта дурацкая привычка читать заранее писанное! Укачивает, как лодка на мёртвой зыби. В последнее время успеваемость в классах на самом деле заметно возросла: вместо двоек и троек — пятёрки... Как на пашне после благодатного тёплого дождя: была только серая земля — и вдруг разом поднялась зелень. Приятно взять в руки любой классный журнал! Но вместе с тем какая-то заноза в душе то и дело даёт о себе знать. Один только пример — Савва Ордахов — лентяй, который дотягивает десятый класс из расчёта на великий «авось», вдруг за какую-то неделю по ненавистной ему физике четвёрку получает, а следом ещё четвёрку — не чудо ли? Приписки? Но как доказать? Не докажешь — клеветником назовут.

Ого, кажется, завуч и его хвалит. «Инициативность, улучшилась дисциплина, растёт успеваемость». Гм, после этих слов он положительно обязан встать и рассказать о Савве, простая порядочность повелевает это сделать.

А вот и Майю хвалят. Её-то за дело, но что с ней сегодня? Уже трижды Аласов поймал её взгляд на себе. Глаза страждущие, молящие. Нервно мнёт листок в руках, на себя не похожа. Майка, милая, что с тобой?

— ...Это граничит с подрывом авторитета школьного руководства! И такое позволяет себе молодая учительница, комсомолка...

О ком это? Неужто о Саргылане Кустуровой? Ну, зачем же! Она только на ноги становится, а он набросился. Ба, да Саргылане, оказывается, и в приказе записали. За этих самых «волшебников»... И при этом с постным лицом: «Мы всегда должны помнить, что педагогическая работа — дело творческое». Нет, друг Аласов, деваться некуда, как только Пестряков кончит, тяни руку вверх. С Саргыланы и начнёшь. Вот тебе и умный человек, Тимир Иванович: живые примеры, цитаты из «чёрной тетради», а по существу ни анализа, ни обобщений. Факты, факты, мешок фактов... Слава богу, кончился наконец доклад. Кажется, Майя потянула руку, или показалось? Показалось. Просто трёт ладонью лицо.

— Слово предоставляется Акулине Евстафьевне...

Досада, опередила тётка! Сосина поднимается со скорбным лицом — покритиковали её сегодня, бедняжку. Сейчас будет каяться.

— У меня не всегда получается хорошо, это верно. Однако кто из учителей к каждому уроку готовится? — Изрёкши столь глубокую истину, она передохнула, утёрла пот с лица и пошла дальше: — Очень хорошо сказал Фёдор Баглаевич — давайте работать мирно и дружно. Поменьше склок, больше времени останется об уроках думать...

Завуч сочувственно кивает головой, выразительно смотрит в сторону Нахова.

— Продолжайте, продолжайте, Акулина Евстафьевна. Но та в самый ответственный момент опростоволосилась — смахнула локтем охапку бумаг — шурр! — всё разлетелось по полу. Толстая, в поту, она полезла подбирать. Сосин-муж зарычал: «Соберу сам...» — и сполз на пол вслед за супругой. Пропал весь эффект... Так Акулина Евстафьевна и не довела до завершения мысль: какая связь между её собственной бездарностью и «критиканами». И вот с этакой халдой ставят рядом умницу Саргылану Кустурову, обеих критикуют заодно!

«...Надо жить мирно...» Между прочим, очень похоже на твои недавние мысли. Можно сказать, что ты с этой Акулиной Евстафьевной вроде как единомышленник, такой же любитель тихого житья — чтобы былинки не

надломилась и водичка не всколыхнулась... Немедленно бери слово! Тяни руку, дьявол тебя побери!

— Аласов? Очень приятно. Слово предоставляется товарищу Аласову... Давай, давай, Серёжа, а то мы тебя на педсоветах ещё и не слышали. Свежий человек — свежий голос. Что хорошего скажешь?

— Боюсь, Фёдор Баглаевич, что не всё про хорошее получится.

— Ничего, давай как можешь.

— Я начну, товарищи, с критики доклада Тимира Ивановича...

Завуч снял очки, в упор посмотрел своими острыми глазами (интересно, зачем ему при таких глазах очки?).

— Доклад этот, товарищи, мне не понравился. И вот почему...

Они вышли из школы вместе. На скользкой дорожке, раскатанной ребятами, Аласов поддержал Нахова под локоть.

— Да, знатная банька получилась, — кряхтя, сказал тот. — Даже кости ломит. Ты меня прости, Сергей Эргисович, подпортил я тебе маленько. Возбуждаюсь, несдержан. У тебя была разумная речь, а меня опять чёрт понёс.

— Зато вам, Василий Егорович, и досталось в заключение больше других!

— Тактика! Не со всеми ругаться, а одного отбить от стада и выпороть в назидание остальным. Что же касается вас, Сергей Эргисович, то тут дело похитрее. Вы его раскритиковали, а он великодушно обошёл вас в заключительном слове, да ещё и пряник подкинул: «Мой ученик, наш воспитанник»... Знаете, что это значит в переводе на нормальный язык? Дорогой мой бывший ученик Серёжа Аласов! Ты, конечно, сегодня набедокурил немало, но мы люди не злопамятные — на первый раз можем и простить. Только ты правильно оцени нашу доброту. Сегодня мы пощадим тебя, а там уж пеняй на себя... Ясен вам перевод?

— Уж так ясен!

— Вот то-то же.